

ВЛАДИМИР СЫРЫХ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ

**МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ПОСТСОВЕТСКАЯ
РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ТЕОРИЯ) ПРАВА**

После падения советской власти большая часть российских правоведов принципиально изменила свое отношение к марксистской теории права, некогда стойкая к ней любовь и всеобщее уважение резко поменялись на разочарование и небрежение. На ее счет были отнесены основные недостатки советской правовой доктрины и ошибки, допущенные советским государством в сфере правовой политики. Наиболее ярко негативное отношение к марксистской теории права выразилось в четырех подходах: 1) исключении ее из числа ведущих правовых доктрин современности; 2) умалении творческого, новаторского потенциала доктрины; 3) обвинении в догматизме, устарелости и неспособности верно понимать и объяснять современные политико-правовые реалии; 4) отрицании научного значения доктрины, как в период ее формирования, создания, так и на весь последующий период.

В современной российской юридической литературе с легкой руки О.Э. Лейста, материалистическая доктрина права (правопонимания) была низведена до уровня второстепенной, малозначимой в научном отношении доктрины – [Лейст 2000, 265]. В 1991 г. в статье «Три концепции права» он в числе «основных, наиболее известных и распространенных концепций права», сложившихся «в процессе становления и развития гражданского общества и европейской цивилизации» назвал нормативно-правовую, естественно-правовую и социологическую доктрины права –

[Лейст 1991, 3-11]. При этом уже не марксистская теория права, а юридический позитивизм, по его мнению, представлял собой закономерный и продолжительный этап в развитии не только профессионального и теоретического правосознания, но и правосознания обыденного в периоды усвоения обществом нового права, нашедшего формальное и цивилизованное выражение в юридическом законе – [Лейст 2000, 274].

С Лейстом, солидаризировался В.А. Туманов, он также поиски основных аспектов «такого сложного и многогранного социального феномена, каким является право» связал с тремя типами правопонимания: философии права и естественного права, юридическим позитивизмом и социологической юриспруденцией. В то же время марксистская теория права, будучи разновидностью юридико-нигилистических подходов, по его мнению, мало что дает для теории права. Как полагает ученый, в марксистском учении перспективы права выглядели достаточно пессимистично. Марксом исключалась:

«сколько-нибудь радикальная трансформация» буржуазного общества правовым путем. Он «видел будущее исключительно в свете революции пролетариата, не связанной правом... Маркс ошибся в оценке потенциала и перспектив права буржуазного общества как и самого этого общества. А между тем при всех несовершенствах тогдашних правовых систем вполне можно было увидеть, что право становится одной из фундаментальной основ и гражданской и политической жизни демократически ориентированного общества [Туманов 1993, 20-21].

Справедливости ради следует заметить, что в перспективах развития права и способности буржуазной правовой науки познать этот процесс заблуждался не только К. Маркс, но и сам В.А. Туманов. Двадцать лет назад по этому

поводу он имел прямо противоположные представления, и в частности, уверял читателей в том, что:

буржуазной теории права в XX в. не удалось создать стабильную систему ведущих идей... Кризис идеологии – это не вакуум идей, а отсутствие научно значимых идей, это не отказ от постановки важных вопросов (их выдвигает сама жизнь), а стабильная неудовлетворительность ответов, даваемых на эти вопросы [Туманов 1971, 369].

К сожалению, Туманов никак не поясняет причин, обусловивших столь резкий поворот в его воззрения на творческий потенциал марксизма и буржуазной правовой науки.

«Новаторский» подход Лейста и Туманова к оценке научного потенциала марксистской теории права, был поддержан другими российскими правоведами, в том числе, Г.В. Мальцевым, В.В. Лапаевой, в двухтомном издании «Философия права» под ред. М.Н. Марченко – [Мальцев 1999; Лапаева, 2012; *Философия права* 2011, т. 1]. Особый интерес вызывает позиция Лапаевой, которая в состав классических типов правопонимания включает сомнительную в научном отношении либертарно-юридическую доктрину, содержащую, по аргументированному мнению В.Е. Чиркина, положения далекие от реальности, противоречащие фактам и установившимся, проверенным веками подходам к понятию права – [Чиркин 2016, 367]. В то же время марксистской теории права, по классификации В.В. Лапаевой, не нашлось места ни в системе основных (классических) типов правопонимания, ни в составе интегральных, постклассических концепций права, имеющих компилятивный характер.

Последовательное игнорирование российскими правоведами марксистской доктрины права невольно создает впечатление, что названная доктрина из ведущего направления политико-правовой мысли в XIX и XX вв., оказавшего революционизирующее плодотворное воздействие на состояние и прогрессивное развитие правовой науки, ныне утратила свое лидирующее положение

и представляет собой скорее исторический, нежели теоретический интерес. В любом случае, с помощью этой доктрины российские правоведы в исторически новых условиях, связанных с реставрацией рыночных отношений, не берутся решать актуальные задачи правоведения, всецело полагаясь на позитивистскую доктрину и довольствуясь догматическим, формально-юридическим анализом действующего законодательства и актами правоприменительной практики. Даже социально-правовые исследования, которые имели широкое применение в исследованиях советских правоведов, ныне практически не проводятся. Да и особой нужды в них нет, если согласно либертарной теории права все теоретические и практические проблемы можно решить формально-логически, достаточно лишь установить наличие формального равенства, закрепленного законодательством.

Другой действенный подход, используемый российскими правоведами в целях дискредитации материалистической теории права, характеризуется попытками умалить ее научную новизну под тем предлогом, что ряд положений, развиваемых К. Марксом и Ф. Энгельсом, был заимствован из работ своих предшественников. Поскольку наука носит компилятивный характер, и всякое движение в познании вперед невозможно без глубокого усвоения и творческой переработки достижений, полученных предшественниками, то основоположники марксизма вполне правомерно обращались к работам других авторов, охотно использовали их для обоснования, объяснения своих положений, а также в качестве объектов критики:

«Учение Маркса, признавал В.И. Ленин, могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец... потому, что он опирался на прочный фундамент научных знаний, завоеванных при капитализме». Однако усвоение достижений научной мысли не было простым школярским, механическим знанием, а представляло собой

результат творческой переработки, итогом которой «стали те выводы, которые ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными представлениями люди сделать не могли [Ленин 1981, т. 41, 304].

Сугубо творческий, новаторский характер марксистского учения в целом, и марксистской теории права не вызывает каких-либо сомнений у большей части его читателей. Но его «зоилы» с этим смириться не могут и «вымучивают» свои «убийственные выводы», наступая на горло элементарной логики, выискивают плагиат, там, где его нет и никогда не было.

Обосновывая компилятивный характера марксизма, критики порой доходят до курьезных утверждений. Так, Т.В. Кашанина уверена в том, что классовая теория происхождения государства, разработанная основоположниками марксизма, всецело обязана трудам Сен-Симона, поскольку все ее справедливые положения в основном заимствованы из его работ. «Однако в остальном авторы классовой теории рисуют картину возникновения государства, прямо противоположную той, которую можно представить на основании комплексного изучения и учета в процессе исследования исторических данных» – [Кашанина 2004, 78]. Еще дальше идет В.Г. Графский, уверяя своих читателей в том, что содержание марксизма во многом обязано «секуляризированной христианской эсхатологии, где миссия Христа замещена освободительной и спасительной миссией пролетариата» – [Графский 2009, 448]. Данный парадоксальный вывод автор обосновывает тем, что в карикатурных изображениях конца XIX в. Маркса изображали Моисеем пролетарской веры и вероучительных заповедей и лозунгов.

Более основательные претензии к марксистской теории права предъявляют российские правоведы, полагающие, что она полностью выполнила свою историческую миссию в конце XIX–XX вв., а ныне, в

современных условиях оказывается не только бесполезной, но и вредной:

С одной стороны, происходит отказ от ограничений и догм марксистско-ленинского этапа развития общественной юридической науки, а с другой – утверждение общедемократических, гуманистических идеалов. Только на этом пути возможно достичь нового научного уровня познаний и объяснений государства и права, реализации ее подлинной идеологической функции [Венгеров 1998, 16].

Неизбежность отказа от материалистической теории права и марксизма в целом обосновывается тем, что многие ее положения и догмы не выдержали испытания временем, оказались несостоятельными и утопическими. Однако, как следует из рассуждений сторонников подобного подхода, основными свидетельствами несостоятельности марксистской теории права выступают не ее собственные положения, а теория и практика сталинизма и неосталинизма, которые «вообще дискредитировали коммунистические идеалы в жизни общества, в том числе в государственно-правовой сфере». Например, А.Б. Венгеров уверяет, что:

доведя до абсурдных, догматических форм отдельные, весьма спорные теоретические положения Маркса, Энгельса, Ленина (об определяющей роли насилия в развитии общества, о формах и интенсивности классовой борьбы, об отмирании классов, о диктатуре пролетариата, руководящей роли коммунистической партии и т.д.) и, самое главное, применив эти догмы на практике, Сталин и его сторонники, создали тоталитарные социалистические государства, причинившие неимоверные духовные, материальные, нравственные страдания народам, в том числе и российскому народу [Венгеров 1998, 17-18].

Но, если дело обстоит, таким образом, то элементарная научная логика, в том числе принцип всесторонности научного познания, требует выяснить, насколько далеко Сталин и его сторонники отошли от действительного марксизма и в какой мере эти отходы исказили суть марксистской теории права, какие негативные положения присущи непосредственно ей, а какие лежат на совести ее интерпретаторов и исполнителей. А.В. Венгеров предпочитает действовать иным образом. Упомянув на современные процессы осмысления современных буржуазных государств и правовых систем, предлагает осуществить переход от марксистско-ленинского содержания теории государства и права «к одному из немарксистских направлений научного изучения государства и права». Автор и сам не знает к какому из учений следует пристать, ибо не называет его, но твердо уверен, что от марксизма нужно уходить и уходить как можно быстрее – [Венгеров 1998, 16].

В.С. Нерсисянц, как и А.В. Венгеров, уверен в том, что марксистская теория права в современных условиях является несостоятельной, неспособной понять и научно объяснить действительную природу права как в условиях буржуазного общества, так и при социализме. Однако причину этому видит не в политике и практике советского государства, а в самой марксистской теории права.

Что же касается социализма советского образца, пишет В.С. Нерсисянц, то – это самый настоящий, пролетарско-коммунистический, последовательно марксистско-ленинский, а потому и сталинский, единственно возможный антикапиталистический социализм... Потому и можно уверенно сказать: ни другого по своей сути социализма, ни коммунизма как такового нет и не может быть – [Нерсисянц 1998, 327].

По глубокому убеждению В.С. Нерсисянца:

«критикуемая Марксом капиталистическая ситуация «экономической несвободы» в действительности... является ситуацией правовой, а, следовательно, и экономической свободы».

Неправовой же предстает требуемая марксистским коммунизмом «экономическая свобода» при социализме. Уничтожение частной собственности и ее обобществление, полагает автор, на деле означает отрицание самостоятельного статуса и значения индивида, отдельного человека и в качестве субъекта экономики, права и политики, радикальный отказ от индивидуального в пользу всеобщего (общественного, коллективного) всестороннюю трансформацию человека-индивидуальности в живое орудие и вспомогательное средство всеобщего целого, в простого исполнителя соответствующих функций пролетарски организованной коллективности и социалистической общности – словом, в обезличенного, ординарного, бесправного «винтика» единой огромной машины коллективного подавления, насилия, властно-централизованного производства, распределения и потребления [Нерсисянц 1998, 133-134].

В то же время изложенный недостаток социализма никак нельзя устранить или исправить. Характерно, что этот вывод и другие положения о несостоятельности марксистской теории права В.С. Нерсисянц обосновывает традиционным для российских правоведов способом, апеллируя к практике социалистического строительства в СССР, ее недостаткам, в том числе «лагерной пыли» Гулага, и абстрагируясь от конкретного анализа критикуемой теории права. Содержательному, системному анализу марксистской теории права, он предпочел детальное выявление недостатков правовых концепций советских правоведов, сформулированных в первые годы советской власти. Критерием же оценки исследуемых концепций, была избрана не *марксистская теория права*, а разработанная критиком либертарная теория права, с позиций которой приговор исследуемым концепциям был предопределен заранее:

все вместе и каждая по своему отвергают суть права и за «новое право» выдают антиправовые установления пролетарско-коммунистической коммуны [Нерсисянц 1998, 163].

Самые радикальные негативные оценки марксистской теории права даются российскими правоведами, отрицающими ее научное значение в целом, видящими в ней лишь образец теории антиправа, оправдывающей произвол и насилие. С.С. Алексеев, один из наиболее активных представителей подобного подхода, обвиняет Маркса и его последователей в создании «особой философии права, противостоящей философии, рожденной эпохой Просвещения и Французской Революцией – коммунистической философии права», которая оправдывает «прямое, неконтролируемое, беспредельное и массовое насилие», чего допускает ни одна из систем позитивного права и никакое сознание, содержащее категорию права в строго юридическом его значении – [Алексеев 1999, 485, 483]. Суть этой доктрины С.С. Алексеев видит в том, что она оправдывает:

право на вооруженный захват власти, право на прямое революционное насилие во всех его многообразных формах, право на беспощадные репрессии в отношении врагов революции, классово чуждых слоев населения, право на изъятие имущества у нетрудящихся слоев населения, право на красный террор, право на революционные войны, на инициирование и поддержку «мирового пожара», экспорта революции, всемогущества коммунистического интернационала [Алексеев 1999, 481].

Согласно элементарным правилам научной критики, оппонент должен обосновать свои критические положения, ссылаясь на конкретные высказывания критикуемых работ. Однако насколько велик С.С. Алексеев в своем благородном негодовании негодной марксистской философии, настолько он слаб и беспомощен в обосновании конкретных фактов,

оправдывающих пафос негодования. С грехом пополам он нашел лишь одно на первый взгляд, подходящее положение, в котором К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали о том, что они:

наряду со многими другими, подчеркнули оппозицию коммунизма против права как политического и частного, так в его наиболее общей форме – в смысле права человека [Алексеев, 1999, 519].

С.С. Алексеев настолько был рад своей находке, что, во-первых, не удержался от соблазна изложить ее в работе дважды, один раз для его личных почитателей и тут же еще раз, выделив цитату жирным шрифтом, как он отмечает, для почитателей «основоположников и классиков марксизма-ленинизма», и, во-вторых, не удосужился сколько-нибудь внимательно уяснить ее смысл в контексте работы.

Между тем, приведенная цитата не дает никаких оснований для признания марксистской теории права в том качестве, в котором тщится ее видеть С.С. Алексеев. Как следует из контекста работы, основоположники марксизма опровергают утверждение М. Штирнера о том, что при коммунизме, «по мнению коммунистов, каждый должен пользоваться вечными правами человека». Они были уверены в том, что при коммунизме не будет государства, не будет и права, ни частного, ни публичного, ни прав человека, ни любого иного права. Но эта цитата не означает отрицание коммунистами права в условиях диктатуры пролетариата на начальной стадии перехода общества от капитализма к коммунизму.

Позиция основоположников марксизма по вопросу о роли и значении права в условиях диктатуры пролетариата изложена достаточно четко в работе К. Маркса «Критика готской программы», записи беседы Маркса с корреспондентом газеты «The World», работах Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» и «Введение» к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Если бы С.С. Алексеев, взял на себя труд прочесть названные и иные работы, то он нашел бы прямые свидетельства тому,

что его утверждения об апологии марксистской теории права «прямого, неконтролируемого, беспредельного и массового насилия» являются несостоятельными, представляют собой беспардонную клевету, закамуфлированную под научную критику.

Дело не только в том, что классики марксизма признавали наличие права на начальной стадии становления социалистического государства, главное состоит в том, что обвинения марксистской теории права в насилии и несправедливости ведутся не по адресу. Объектом критики выступает не марксова теория права, коей ни советские, ни современные российские правоведы, в том числе и С.С. Алексеев, не знали и по сей день не знают, а ее позитивистская версия, сфабрикованная Генеральным прокурором СССР А.Я. Вышинским и официально объявленная на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. – [Вышинский 1949, 84]. Вышинский без каких-либо колебаний и сомнений полагал, что определяющее марксистское понимание права дано в «Манифесте коммунистической партии», в следующих словах, обращенных к буржуазии:

Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса [Вышинский 1949, 39].

В действительности, как свидетельствует контекст «Манифеста коммунистической партии» основоположники марксизма в этой фразе утверждали прямо противоположное, а именно, то, что в буржуазном обществе подлинного права нет, вместо него в ранг общеобязательных норм возведена его превращенная форма, выражающая волю буржуазии как экономически и политически господствующего класса:

Ваши идеи - писали авторы «Манифеста»,
обращаясь к буржуазии, - сами являются продуктом
буржуазных производственных отношений и

буржуазных отношений собственности и точно также, как ваше право есть лишь воля вашего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса [Маркс, Энгельс 1955, т. 3, 443].

Соответственно,

общество основывается не на законе. Это - фантазия юристов. Наоборот закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивида [Маркс, Энгельс 1957, т. 6, 259].

Для основоположников марксизма действительное право представлено правовой формой экономических отношений, всецело определяемая содержанием этих отношений. Как показывает проведенное исследование, наиболее полно этот вывод обоснован Марксом на примере исторически первого экономического отношения обмена, который стал возможным лишь после того, как два владельца частной собственности сумели осуществить его на сугубо правовых началах *равенства, свободы воли, взаимозависимости, эквивалентности и всеобщности* – [Сырых 2011, 458-1237].

Заметим, что для выявления этих принципов не требовалось сложных научных исследований. Индивиды, испытывающие потребность в обмене товарами, самостоятельно, без помощи государства, выявили и реализовали названные принципы действительного права, не утратившие своего значение по настоящее время. Любое ныне действующее экономическое отношение производства, распределения, обмена и потребления обладает присущей ей правовой формой, неизменно соответствующей всеобщим правовым принципам равенства, взаимозависимости, свободы воли, эквивалентности и всеобщности, а сами принципы образуют объективное право. Таким образом, в

рамках материалистической доктрины правовая форма экономических отношений имеет объективный характер, как и сами экономические отношения, действует независимо от воли и желаний людей.

Объективное право, как и всякое, закономерно воплощается в жизнь посредством диалектического перехода из возможности в действительность. В процессе такого перехода объективное право последовательно объективируется в реальной жизни в трех формах: позитивного, индивидуального и конкретного прав. Каждая из названных форм права призвана воплотить в жизнь одновременно все всеобщие принципы права без какого-либо исключения. Только при этом условии каждая из этих форм обладает статусом действительного права.

Позитивное право, будучи созданным государством и закрепленным в законе, либо ином нормативном правовом акте представляет собой *действительное право* постольку, поскольку оно соответствует всем принципам объективного права. При несоответствии хотя бы одному всеобщему принципу права, позитивное право, выражает правотворческий произвол и представляет собой его превращенную форму. Это – во-первых. Во-вторых, позитивное право может воплотиться в реальную непосредственную жизнь лишь в форме конкретного правоотношения, в которое вступают индивиды и иные заинтересованные лица. Поэтому второй формой объективного права выступает индивидуальное право, которое упорно игнорируется позитивистской доктриной, но признается гегелевской философией права и психологической теорией права.

На стадии индивидуального права объективное право обретает форму единичного, на уровне сознания человека, чтобы затем успешно воплотиться в конкретных правоотношениях, стать частью, моментом правовой практики. Процесс формирования индивидуального права носит комплексный характер и сочетает в себе три стадии: психологическую, экономическую и юридическую.

Формирование права ведется через осознание индивидом своей потребности и формирования интереса к определенному предмету, определение потребительной и меновой стоимости этого предмета и осознания индивидом экономической дееспособности. Далеко не всякий юридически правоспособный субъект, оказывается дееспособным экономически.

Выбирая юридически значимое действие по овладению предметом потребности, индивид далеко не всегда ориентируется на действующие нормы права. На этой стадии он предстает действительно свободным и может рассматривать даже противоправное деяние в качестве варианта своих последующих действий. Ведущим мотивом избранного индивидом варианта юридически значимого действия является его материальный интерес, желание получить максимальную выгоду. В тех случаях, когда возможность ее получения предоставляется на путях плохо сочетаемых с законом, индивид может игнорировать закон и искать новые правовые пути реализации своих материальных или духовных интересов. Именно на этом пути, по-прежнему, индивиды формируют новые правовые отношения, которые наилучшим образом соответствуют современному уровню в развитии экономики.

Таким образом, силой, способной заставить индивида вступить в конкретное частноправовое отношение, выступает отнюдь не позитивное право, а в первую очередь желание удовлетворить свои потребности в пище, жилье, одежде, иных материальных и духовных благах. Правилom своего поведения он избирает ту норму, которая закрепляет максимально простой способ удовлетворения соответствующей потребности, при этом гарантирующей максимально полное удовлетворение его имущественных и иных интересов, в том числе, получение максимальной выгоды.

Индивидуальное право, поставленное в формально логическое соответствие с превращенной формой позитивного права, в свою очередь также обретает

превращенную форму. Форма, следующая своей основе, не может исправить ее недостатки, она способна лишь добросовестно повторить и умножить их. Добросовестным воспроизведением превращенной формы позитивного права в индивидуальном праве индивид не приближает объективное право к действительности, а *удаляет от нее*, создавая условия для воплощения в жизнь субъективной воли законодателя, культивируя отношения, препятствующие действию объективного права и развитию охраняемых им ценностей.

Законодательство советского государства, закрывшее нэп административными мерами, задолго до того, как были созданы экономические предпосылки этой меры в виде способности государства самостоятельно производить товары народного потребления в количестве, необходимом для удовлетворения потребностей населения, представляло собой превращенную форму права. Законодательство опередило экономические возможности советского государства, тогда как право не может быть выше, чем экономический и обусловленный им культурный уровень развития общества. Государственные органы и законопослушные граждане, неукоснительно исполнявшие эти законы государства, представляющие собой превращенную форму права, действовали законно, но не правомерно. Индивиды, которые в обход закона пытались культивировать свое право частного собственника свободно владеть и распоряжаться частной собственностью, занимались спекуляцией, созданием разного рода нелегальных, подпольных предприятий, действовали в своем праве, хотя и незаконно.

Таким образом, определить действительность индивидуального права одним формально-логическим сравнением с нормами позитивного права не представляется возможным. Достоверным критерием в этих целях может выступать только объективное право. Полнота и точность их отражения в индивидуальном праве позволяет достоверно утверждать о его действительности или принадлежности к

превращенной форме. Индивидуальное право как особая стадия перехода объективного права в действительность, призвано бережно сохранить в себе все богатство содержания последнего, обеспечивать его перевод на уровень единичного и субъективного. Чтобы убедиться в том, насколько успешно индивидуальное право справилось со своим высоким предназначением, необходимо сопоставить, сравнить его с объективным правом. Кроме того, определенная часть норм индивидуального права формируется самим обществом, его членами, минуя стадию позитивного права, поэтому для оценки его действительности может быть использована его непосредственная основа – объективное право.

Индивидуальное право (его отдельные нормы или их совокупность) как и позитивное право, признается действительным, если оно во-первых, соответствует его общим принципам: взаимозависимости, эквивалентности, равенства, свободы воли и, во-вторых, конкретным нормам, в которых отражается, фиксируется правовая форма отдельных экономических отношений.

Конкретное право в форме соглашения и договора выступает третьей необходимой формой, которую принимает объективное право в процессе перехода в действительность. Действительное конкретное право – это общие и согласованные волеизъявления сторон, закрепленные индивидуальным договором и соответствующие всеобщим принципам объективного права. Согласно материалистической теории права конкретные предписания, как и индивидуальное право, признаются действительным правом, если они удовлетворяют всем принципам объективного права. Если конкретное право соответствует объективному и противоречит позитивному, то имеются все основания полагать, что стороны договора сумели найти новую правовую связь, которая наиболее точно отражает современный уровень в развитии общественных отношений и имеет все основания в перспективе подняться на уровень общей нормы позитивного права. Конкретные

предписания, закрепленные договором, не соответствующие общим принципам права, либо действительным нормам позитивного права, иным социальным нормам представляют собой превращенную форму, не способную обеспечить перевод объективного права из возможности в действительность.

Конкретное право, соответствующее объективному праву, способно обеспечить его перевод в непосредственные действия и поступки при условии, что участники правоотношения самым добросовестным образом исполняют свои обязанности. Однако, далеко не каждый обязанный участник правоотношений стремиться надлежащим образом исполнять свои обязанности, в связи с чем имеется настоятельная потребность в государственном принуждении, осуществляемом по нормам публичного права.

Фактические правоотношения дают бесспорные свидетельства тому, насколько субъективные представления об объективном праве, культивируемые в правовом сознании общества, государства и индивидов соответствуют действительному содержанию экономических отношений и что нужно делать, чтобы обеспечить гармонию между правовой формой и содержанием этих отношений. И в этом видится наиболее важное социально-экономическое значение фактических правоотношений как формы, завершающей процесс воплощения объективного права в действительность и обеспечивающей реализацию этой функции успешно либо менее успешно, а временами и вовсе с негативными результатами. Право, как и любая субъективная деятельность, основанная на объективных результатах, способна давать сбои, приводить к ложным результатам, и с учетом этого обстоятельства процесс перехода объективного права в действительность осуществляется в многостадийной форме, способной нейтрализовать субъективизм как законодателя, так и индивида.

С учетом изложенного, *право представляет собой основанную на принципах равенства, свободы воли,*

взаимозависимости и эквивалентности всеобщую социальную связь индивидов и иных лиц, в которую они вступают в целях удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Благодаря неукоснительному следованию государства, его органов, всех или большинства членов общества принципам и нормам объективного права в обществе устанавливается действительная правовая мера свободы, при которой отпадает потребность в абсолютизации государственного принуждения, а личность получает максимум свободы, гарантируемым экономическим строем и обусловленным им культурным развитием общества.

Обвинения марксистской теории права в апологии насилия и террора, таким образом, не вытекают ее сути и содержания, равно как и противоречат многократным высказываниям К. Маркса и Ф. Энгельса по этому поводу. В беседе с корреспондентом газеты «The World» Маркс прямо говорит, что он не является сторонником революций, что:

восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем... Но выбрать, каким способом добиться развязки, должен сам рабочий класс этой страны [Маркс, Энгельс 1960, t. 17, 625].

Мирное вращение капиталистического общества в социалистическое допускал и Энгельс.

Конституционным путем, писал он, можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях как Англия, где предстоящее отречение династии за деньги ежедневно обсуждается в печати [Маркс, Энгельс 1962, t. 22, 236-237].

Но подобный путь невозможен в странах, где правительство имеет большую силу по сравнению с представительными органами государства, например в Германии. При этом, подчеркивает Энгельс, не подлежит никакому сомнению в том, что партия и рабочий класс

Германии могут прийти к господству при такой политической форме, как демократическая республика.

Более полно позиция Ф. Энгельса относительно путей завоевания государственной власти изложена в его работе «Введение к работе К. Маркса *Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.*». Он признает, что коммунисты не отказываются от своего права на революцию, как действительное «историческое право», на котором основаны все без исключения современные государства. Однако пролетариат не должен отказываться и от мирных, легальных форм борьбы, с помощью которых он, благодаря всеобщему избирательному праву, способен добиваться больших успехов, нежели с помощью нелегальных средств или переворотов.

Пролетарии, констатирует Ф. Энгельс,

нашли, что государственные учреждения, при помощи которых буржуазия организует свое господство, открывают и другие возможности для борьбы рабочего класса против этих самих учреждений. Рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты, в промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах – чем успехов восстания. [В результате] партии, называющие себя партиями порядка, гибнут от созданного ими же самими легального положения. [Маркс, Энгельс 1962, т. 22, 540, 546].

С учетом политических реалий последней трети XIX в. Энгельс делает общий вывод, что основная задача рабочей партии Германии состоит в том, чтобы привлечь на свою сторону мелкую буржуазию и крестьянство и завоевать большинство голосов избирателей. Во имя этой задачи, не следует «уничтожать крепнувший с каждым годом ударный отряд в авангардных схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня». Втягивание же пролетариата в уличные бои в этих условиях он называет безрассудными. Пусть роковую законность нарушают партии порядка – [Маркс, Энгельс 1962, т. 22, 546].

Итак, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не признавали революционный путь взятия пролетариатом государственной власти единственно возможным. Они полагали, что в условиях всеобщего избирательного права, рабочий класс имеет неплохие шансы прийти мирным путем к овладению государственной властью, и он должен умело использовать их, тогда как призывы к уличным боям в этих условиях оказываются менее эффективными. Нет ни одного высказывания основоположников марксизма, в котором бы насильственным действиям диктатуры пролетариата они придавали решающее значение после того, как пролетариат овладеет государственной властью. Наиболее полно их представления по этому вопросу изложены в работе Маркса «Критика Готской программы», где дается обоснование необходимости права в условиях диктатуры пролетариата, его сущность и основные черты.

Маркс обоснованно показывает, что в переходный от капитализма к коммунизму период, пролетариат не может обойтись без права, поскольку общество, которым он руководит, сохраняет в себе многие «родимые пятна капиталистического общества» в экономической, нравственной и умственной сферах. Это преступность, веками выработанная мораль оправдывающая узкоэгоистические интересы личности, нетрудовые доходы, желание поменьше дать обществу, но побольше урвать с него, недостаточно высокий уровень производительных сил общества, не позволяющий обеспечить всех членов общества материальными благами по потребности. Действенным средством, способным противостоять родимым пятнам прошлого в условиях пролетарского государства, выступает не что иное как право, принципы которого были разработаны и апробированы в капиталистическом обществе.

Пролетарское право, будучи средством, мерой, масштабом распределения произведенных обществом материальных благ, принципиально отличается от буржуазного по своим целям и конечным результатам. Если

последнее признавало и закрепляло нетрудовые доходы в качестве основного источника материального благополучия членов капиталистического общества, то основной принцип пролетарского права состоит в том, что «никто не может дать ничего обществу, кроме своего труда». Соответственно «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» – [Маркс, Энгельс 1961, т. 19, 18]. Подобное право является равным – известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой форме – и распространяется без каких-либо изъятий и ограничений на всех трудящихся, независимо от их прежнего социального и имущественного положения в капиталистическом обществе. Даже намек на то, чтобы пролетарское государство ограничивало в правах представителей бывших имущих классов, в работе не содержится.

Таким образом, попытка приписать марксистской теории права антиправовой смысл и содержание на том основании, что советское государство при известных условиях не гнушалось применением террора и насилия, не может быть поставлена *в вину марксистской теории права*, поскольку она к подобным действиям не призывала и, будучи ориентированной на объективные процессы в обществе и государстве, призывать не могла. Системный анализ марксистской теории права, который по настоящее время отсутствует, составляет одно из ведущих направлений современной политико-правовой мысли всех прогрессивно мыслящих правоведов. Успешное проведение такого анализа позволит, во-первых, восполнить заметный пробел в истории политических и правовых учений, во-вторых, сформулировать действительные теоретические и методологические основы современного научного познания действующего права и государства, в-третьих, обеспечить глубокое понимание и плодотворное решение основополагающих проблем современного правоведения.

Библиография

- Алексеев, Сергей С., 1999, *Право. Опыт комплексного исследования*, Москва: Статут.
- Венгеров, Анатолий Б., 1998, *Теория государства и права*, Москва: Новый юрист.
- Вышинский, Андрей Я., 1949, *Вопросы теории государства и права*, Москва: Издательство юридической литературы.
- Графский, Владимир Г., 2009, *История политических и правовых учений*, Москва: Норма.
- Кашанина, Татьяна В., 2004, *Происхождение государства*, Москва: Наука.
- Лапаева, Валентина В., 2012, *Типы правопонимания: правовая теория и практика*, Москва: Российская академия правосудия.
- Лейст, Олег Э., 2000, *Сущность права*, Москва: Зерцало.
- Ленин, Владимир И., 1967-1983, *Полное собрание сочинений*, т. 1-55, Москва: Политиздат.
- Мальцев, Геннадий В., 1999, *Понимание права. Подходы и проблемы*, Москва: Прометей.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, 1955-1981, *Сочинения*, т. 1-50, Москва: Политиздат.
- Марченко, Михаил Н., (ред.), 2011, *Философия права*, т. 1, Москва: Норма.
- Нерсисянц, Владик С., 1998, *Философия права*, Москва: Норма.
- Сырых, Владимир М., 2011, *Материалистическая теория права*, т. 1-3, Москва: Издательство Российской академии правосудия.
- Сырых, Владимир М., 2014, *Действительность индивидуального права*, т. 4, Москва: Издательство Российской академии правосудия.
- Сырых, Владимир М., 2016, *Материалистическая философия публичного права*, Москва: Юрлитинформ.
- Туманов, Владимир А., 1993, *Учения о праве, [в:] Общая теория права. Курс лекций*, Нижний Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ.
- Туманов, Владимир А., 1971, *Буржуазная правовая идеология*,

Москва: Наука.

Чиркин, Вениамин Е., 2016, *О либертарной концепции права*
(субъективные заметки), [в:] *Современное правопонимание*,
Москва: Норма.

Marxist law theory and post-Soviet Russian philosophy (theory) of law

ABSTRACT: Russian legal theorists condemn Marxist law theory, without being truly familiar with it. The theory is criticized for dogmatism, for not being applicable to modern political and legal processes and phenomena and for providing justification of the mass terror taking place in the USSR in 1930s-40s. However, the above cannot be said to have any relation to the Marxist theory of law as such. What this criticism is really aimed at is its Soviet version based on the positivistic understanding of law as a set of rules of conduct established by the state. Whereas, the Marxist law theory views its subject matter as a form of economic relation, based on such principles as equality, free will, interdependence and universal validity of law. It is perhaps for that reason that the researchers who share a progressive, democratic view of law increasingly turn to Marxism when analyzing contemporary legal phenomena.

KEYWORDS: Marxist legal theory, Post-Soviet polemics on legal philosophy, philosophy of law .

АННОТАЦИЯ: Российские правоведы марксистской теории права не знают, но относятся к ней негативно. Теория критикуется за догматизм, несоответствие современным политико-правовым процессам и явлением, оправдание массового террора, проводимого в СССР в 30-40 гг. прошлого столетия. Однако названные недостатки никакого отношения к марксистской теории права не имеют. Критике подвергается ее советская версия, основанная на позитивистском понимании права как совокупности правил поведения установленных государством. Марксистская теория права понимает право как форму экономических отношений, суть которого составляют такие принципы как равенство, свобода воли, взаимозависимость, эквивалентность и общеобязательность. Творческое развитие марксистской теории права применительно к современным

условиям составляет ведущее направление исследований правоведов, разделяющих прогрессивных, демократические традиции права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: марксистская теория права, критика российскими правоведами, апология насилия и нарушений прав человека, несостоятельность критики.